

... В военных предприятиях должно быть скорым и решительным ...

Собственно, именно потому Ганнибалу и пришлось отправить флот в Иберию. Естественно, римляне только того и дожидались, ибо, в сущности, им было плевать на наёмников, так как справедливо считали предоставленные им контингенты мусором.

В общем-то, им было также всё равно и на осаду Нового Карфагена, ибо не верили в её успех, осознавая невозможность её продолжения, так как ни флот, ни перевозимый им десант не был приспособлен к длительной осаде.

Итак, во что же римляне тогда верили, если не были подготовлены к осаде, да и с самого начала её не желали? Ну, в то, что они сумеют своим фальшивым вторжением в Иберию спровоцировать Ганнибала на ответные действия.

Так как снять свою армию и покинуть Италию даже ради защиты важнейшего своего оплота он не может, потому что это будет подобно самоубийству, он не может, они надеялись на то, что он отправит против них свой флот.

Таким образом, они надеялись на то, что Ганнибал будет принуждён к тому, чтобы ограничиться лишь силами флота в своей реакции против флота римляне.

Соответственно, всё, что римскому флоту останется сделать – это встретить флот карфагенян, а затем разбить его. Создав, таким образом, угрозу коммуникациям Ганнибала со своей экономической базой, а кроме того – открыв широкий простор для стратегических манёвров.

В общем-то, ход действительно гениальный, если не принимать во внимание тот факт, что римляне возлагали над своими головами великий риск, проворачивая этот манёвр.

По той простой причине, что если бы римляне проиграли, вышло бы так, что минимум ещё несколько месяцев, прежде чем был бы построен ещё один флот, они были бы снова заперты в Италии, вынужденные бороться с врагом на своей земле.

При условии, что великодушный Я, конечно же, вновь окажет своё благоволение римлянам и построит им очередной крупный флот в кредит, разумеется. Правда, всё же причины проигнорировать имеющийся риск у них всё же были, а потому не стоит считать их совсем уж безумными.

Для начала, римляне знали, что Иберия – истинный источник военной мощи Карфагена и, в особенности, Ганнибала, у которого и вовсе львиная доля войска была набрана среди союзных Карфагену иберийских племён.

Разумеется, атакуя именно её, они на то и рассчитывали, что Ганнибал будет просто не в состоянии проигнорировать зов о помощи из Иберии. Тем более, что они рассчитывали на то,

что Ганнибал не будет знать о том, что в Иберию поплыли не римские легионы, а бесполезные преступники.

Кроме того, римляне более не считали карфагенян своими противниками, ибо получили новые, отличные корабли, а в своих морях были более чем уверены, равно как и в своих абордажных командах.

Как-никак, до этого они карфагенян «всегда побеждали в море, а при Лигурии же проиграли лишь из-за вероломного предательства консула». Так что да, оснований поверить в свою ставку у них было достаточно.

По крайней мере, им их ставка казалась разумной, а это, как известно, главное. Ну и, собственно, да, они не прогадали – Ганнибал действительно отправил флот.

Узнав о численности вражеского десанта, но, к несчастью, не о его действительном качестве и боеспособности, Ганнибал забеспокоился, ведь сорок тысяч воинов – это не то, с чем мог бы справиться его брат, оставленный им же для прикрытия Иберии.

Его силы, конечно же, были гораздо меньше, чем требовалось для победы над столь грозным противником. Собственно, потому Ганнибал флот и отправил против римлян.

Как-никак, ему было достаточно отрезать вражеский десант от пополнений и восстановить коммуникации Нового Карфагена с остальной частью Испании по морю, чтобы сделать дальнейшую осаду бессмысленной, а дальнейшую судьбу десанта – незавидной.

Ну и, собственно, именно по этим причинам флот, располагаемый Ганнибалом, оказался, к несчастью для себя, в водах Иберии. Ошибкой Ганнибала было то, что он отправил собственный флот против вражеского флота, даже не зная его численности.

Да, конечно же, у него не было времени высиживать и ждать, пока его главный оплот, Испания, подвергается разорению, а её столица, Новый Карфаген, находится под осадой крупных сил, и всё же это была ошибка.

Ошибка, стоившая его флоту жизни. И да, флот Карфагена был уничтожен. Был уничтожен потому, что двести восемьдесят кораблей Карфагена не имели шансов против четырёхсот кораблей Рима.

Тем более, что на римских кораблях были более многочисленные и лучше обученные абордажные команды, позволившие римлянам без труда победить в схватке с противником, которому они сумели быстро навязать абордажный бой.

То есть, прежде, чем карфагеняне смогли бы серьёзно повредить римские корабли при помощи своих орудий. Это, собственно, и предредило исход морского сражения в пользу римлян.

Ну и, соответственно, как уже упоминалось ранее, это полностью перевернуло военную ситуацию в пользу Рима. Теперь не римляне были заперты в Италии с Ганнибалом, вынужденные вести против него разорительную войну на собственной земле, а карфагеняне были заперты в Италии, вынужденные выживать любой ценой.

Более того, теперь для римлян был открыт широкий оперативный простор, так как им были открыты все дороги. По крайней мере, пока у Карфагена не было собственного флота.

Ну, а оный они никак без помощи эллинов добыть не могли, так как у Карфагена более не было людских и материальных ресурсов для снаряжения флота за свой собственный счёт.

Да, это печально, конечно же, но, к счастью для них, я был готов предоставить им новый флот в кредит и даже содержать его за свой собственный счёт. Естественно, при определённых условиях:

Во-первых, я, как истинный интриган, конечно же, затребовал от карфагенского Сената официального признания за политическими противниками Ганнибала, и, по совместительству, моими марионетками, ответственности за ведение переговоров, причём уже давно. Последний, и без меня полнившийся до того противниками Баркидов, естественно, тут же признал это абсолютно абсурдное требование.

Правда, на этот раз я не просто возместил на них ответственность за переговоры, но и распространил вести об «их» успехах в «переговорах, спасших Карфаген», среди всех слоёв населения.

В то же самое время, уже умершего, умершего в недавней битве, члена политической группировки Баркидов я выставил единственным козлом отпущения за «катастрофическое поражение, чуть ли не погубившее Карфаген».

Естественно, всё это я сделал с целью поднять политический вес политических противников Баркидов и снизить политический вес последних. Разумеется, чтобы этим самым укрепить проэллинскую партию, представляющую мои интересы, а также усилить политические дрязги внутри правящей элиты Карфагена.

Во-вторых, уже сейчас Карфаген должен был передать Панэллинскому союзу в концессию все имеющиеся у него золотые и серебряные рудники на срок в двадцать пять лет.

Естественно, не за бесплатно. Карфаген, конечно, лишался источников руды для выплавки серебряной и золотой монеты, но зато получал внушительный откуп.

Правда, уже в валюте Панэллинского союза, но так даже удобнее, ведь теперь Карфагену не нужно было проводить валютные операции для оплаты импорта из Панэллинского союза.

Да и драхмы были валютой более надёжной и ценной, чем карфагенские шекели, да и, опять же, позволяли вести удобную торговлю с Панэллинским союзом, торговым гегемоном Средиземноморья.

Правда, всё это грозило Карфагену постепенным вытеснением собственной же валюты с собственных же территорий, но карфагенский Сенат, это, по-видимому, не волновало, так как вопросы финансового обеспечения военных действий его волновали больше, чем разумное суждение.

Наконец, в-третьих. Итак, в рамках третьего основного пункта соглашений Карфаген обязался предоставить Панэллинскому союзу право вести на всех его территориях, включая подчинённые Карфагену города и колонии, разработку новых месторождений.

Ну, а кроме того, карфагенский народ и карфагенский Сенат, как его «законный представитель», обязывались оказывать всяческую поддержку при ведении дипломатических переговоров с всякими там местными африканскими царьками.

Вопрос откупа, разумеется, решался отдельно для каждого месторождения, но заново или впервые открытые угольные месторождения должны были перейти под управление Панэллинского союза с правом безвозмездной разработки.

То есть, без необходимости уплачивать откуп или осуществлять какие-либо иные платежи за добытую из недр руду. Что касается уже открытых и разрабатываемых угольных месторождений, то они также передавались в управление Панэллинскому союзу, но уже за небольшой откуп.

Естественно, вся созданная при разработке заново или впервые открытых месторождений инфраструктура оставалась в собственности Панэллинского союза, а в отношении объектов и граждан Панэллинского союза, задействованных в извлечении руды, вводился принцип экстерриториального права.

Если простыми словами, то эти объекты и граждане являлись как бы продолжением Панэллинского союза на территории другого государства, а потому те же граждане Панэллинского союза, например, суду по местным законам не подлежали.

Естественно, это прямое нарушение государственного университета, но кому не пофиг, когда на кону стоит простое выживание государства, верно? Тем более, что это же не для всех граждан Панэллинского союза, а только для тех, что будут задействованы при разработке месторождений.

Так как их «быть по определению много не может», то это, как бы сказать, более «терпимо». Тем более, что во время разработки месторождений все их контакты «будут сведены к минимуму», что является, если так можно выразиться, «смягчающим фактором».

Ну и, собственно, на этих трёх основных положениях, хотя, разумеется, договор подразумевал не только эти три пункта, и было основано дальнейшее «сотрудничество» между Карфагеном и Панэллинским союзом в области построения флота.

Тем временем, Ганнибал начал что-то, наконец-то, подозревать по поводу истинной роли Панэллинского союза в этом конфликте, так как после битвы при Требии ему в руки попал высший офицер греческого происхождения, руководивший действиями одного из наёмных отрядов...

<http://tl.rulate.ru/book/77109/2380986>